

* * *

А слова с Онеги принесли.

Николай Тряпкин

Над Онегой ветер не стихает,
Гонит, словно пену, корабли.
Отчего же сердце отдыхает
В этой хмуро-солнечной дали?!

Надо мной шумят могуче сосны,
Подо мной — не дрогнут валуны.
Лечит душу Север светоносный,
Чайки в сизый сумрак влюблены.

Нет, не пропадёт в глуши безвестной
Солнца луч, дрожащий как струна,
Вот сейчас прольётся звонкой песней
Золотая Вытегра-страна!

НИКОЛА ЗИМНИЙ

Печаль земли принакрывает снег...
И время замедляет жёсткий бег.

Быть может, будет кратким снежный век.
Сплетенья веток, как изгибы рек,

Тех, что впадают в Вечный океан.
Ах, этот снег — крестившийся шаман!

И кажется: сам Зимний Николай
Приоткрывает двери в тихий рай.

И, позабыв про пищу и ночлег,
Бредёт, бредёт по снегу человек...

* * *

Колокольня, колокольня,
Сердцу солнечно и больно.
Над разливом волжских вод
Голубая колокольня,
Словно памятник невольный,
С дна речного восстаёт.

Колокольня, колокольня,
Долго был наш путь окольным,
Да и ныне — маета.
Ты свети нам, колокольня,
Из глубин Руси привольной
Звонкой чайкою креста.

* * *

Тенисто-таинственный остров,
где проблески солнца в траве.

Алексей Викторович Полубота (1975 г.р., Мурманск) — поэт, прозаик, публицист. Закончил Литературный институт им. А. М. Горького (2000). Секретарь правления Союза писателей России (2019). Лауреат ряда международных и всероссийских литературных премий и конкурсов. Награждён медалью «М. Шолохов» Союза писателей России. Инициатор и вдохновитель Всероссийского фестиваля им. Н. Тряпкина «Неизбывный вертоград», международного поэтического конкурса им. Е. Курдакова «Купина неопалимая». Автор нескольких поэтических сборников Стихи и проза переводились на сербский, якутский, немецкий, английский языки. Работал электромонтёром в Мурманском рыбном порту, корреспондентом газеты «Труд», обозревателем «Литературной газеты», политическим обозревателем. Живёт в подмосковном Реутове.

И где затеряться так просто
в небесно-речной синеве.
Где в лето влюблённые дети
меня звонко папой зовут,
и где на особой примете
у Бога кувшинки цветут.

* * *

На последние деньги
я куплю тебе розы,
что похожи на нежный
предосенний закат.
Нам в окно засверкают
синеватые росы,
и от сердца отступит
ледяная тоска.

Буду я целовать твои плечи и губы,
и соски, и таинственный
влажный цветок.
Мы познаем сей мир
в первосозданной глубине,
и родная звезда упадёт на порог.

* * *

Холодным солнцем ослеплённый,
Мир погружается во тьму.
Стена берёз, как побелённый
Храм, близкий сердцу моему.

Пожухлые склонились травы
И лёд в разбитых колеях.
В глуши космической державы
Таится неизжитый крах.

Иду один в огромном поле
И только дальний лай собак.
В преддверье дышащем просторе
Отогревает сизый мрак.

* * *

Виктору Ивановичу Рыбалко

Закат осенний пламенеет,
И страшно на него смотреть.
Как будто в чёрных тучах зреет
Всепобеждающая смерть.

Мерцающая тусклой позолотой,
Покорно гаснут купола.
И в этот миг навек кого-то
Надмирная объяла мгла.

И только колокол сквозь ветер
Призывный голос подаёт:
«Мы не умрём, в Грядущем Свете
Душа прозренья обретёт».

ПАМЯТИ ВАСИЛИЯ ИВАНОВИЧА КАЗАНЦЕВА

1

Поэт сидит на табурете,
глядит в окно.
Он знает всё на этом свете
давным давно.

Его родившая деревня
навек спит.
Но живы за окном деревья,
закат горит.

Уже от пляшущего света
в глазах темно!
И не хватает сил поэту
раскрыть окно.

Он помнит все цвета и звуки
родной земли.
Ниспосылает старость муки,
Ну что ж, внемли!

2

Цвели деревья в феврале
Звенящей белью.
Поля казались на Земле
Большой постелью,

В которой умирал Поэт
Непобеждённый.
Струился снежно-алый свет
С застывших клёнов.

3

Поэтом дышит глубина.
Он чашу жизни пьёт до дна,
И умирает.
Но не уходит в никуда,
Им светит светлая звезда,
И не сгорает.

* * *

Зима напоследок примерила
заячью шубку.
Над городом древним звенит
её смех молодой.
Апрель на носу уж,
но ухарь-мороз не на шутку
Сжимает мою без покрова
перчатки ладонь.

Здесь сахарный снег повкусней,
чем владимирский пряник,
Сверкают сосульками тихие с
тены церквей.
Прекраснейший Суздаль
врачует сердечные раны,
Но тем лишь, кто верит обьявшей
его синеве.

* * *

Эта белая ночь белой чайкой
в глаза мне хохочет.
Над безумством ослепших от вечной
зари фонарей.

Эта белая ночь на века мне
разлуку пророчит,
Ту, в которой сто тысяч седых
непроглядных дождей.

Эта белая ночь...

Словно колокол безъязыкий,
Я пытаюсь ей, белой, о боли
своей прокричать.
И сверкают, как молнии,
прошлого жгучие лики,
Пред которыми трудно
повинной душе отвечать.

КИМРЫ

отцу Андрею (Лазареву)

Автобус едет ниоткуда,
автобус едет в никуда.
Здесь вряд ли кто-то верит в чудо,
и чья-то светится звезда.

Я выхожу на остановке,
где с глазом выбитым фонарь,
и просит «на пузырь» неловко
какой-то спившийся бунтарь.

Промозглый сумрак накрывает
приволжский бедный городок.
А в церкви свечи возжигают,
читают: «Да воскреснет Бог...»

* * *

Девушки по-прежнему прекрасны,
Зелена весенняя трава.
Так чего же я клянусь напрасно
Это имя древнее «Москва»?!

На сырых, искрящихся бульварах
Отражают лужи синеву.
И хоть редко, но звенит гитара,
И любовь по имени зовут.

Здесь забвенью непокорный гений
Чуть склонил курчавую главу.
Родники его стихотворений
Омывают до сих пор Москву.

Побеждая гул глухой, машинный
Голос подают колокола.
Светлый крест над суетой мышиною
Церковь Вознесенья вознесла.

* * *

Остров Измайловский,
трепетный рай,
Клёны горят, не сгорая.
Если устал от Москвы — отдыхай,
В тихих объятиях рая.

В небо врастает могучий собор
Мудрой Руси допетровской...
«Нет, не прельстит нас

затейливый вор
Ложью слащаво-заморской.

Русское наше от нас не уйдёт», —
Шепчут, светлея, берёзы.
Остров Измайловский тихо плывёт
Сквозь отшумевшие грозы.

* * *

Елизавете Мигалкиной

Если на Якутию смотреть
Из московской суетной дали,
То увидишь ледяную мглу,
Снежных гор угрюмую гряду,
Да изгибы омертвелых рек.

Если с самолёта посмотреть,
То сквозь гул услышишь тишину
Хмурых неприкаянных холмов,
Что встречают сумрачный рассвет
И не знают, стоит ли встречать.

Но когда стоишь на берегу
Искренне сверкающей реки,
Слышишь шелест серебристых льдин,
Смутлоликой девы звонкий смех,
То Саха нельзя не полюбить.

* * *

Плывёт по небу мгlistая заря,
Мороз вцепился крепко в лапы сосен.
О, царство ледяного янтаря,
Где снега скрип безмолвию

несносен!

Здесь понимаешь, как безмерна Тишь,
Та, что слова случайные объяла.
И, как природа строгая, молчишь
У замершего вечности Причала.

* * *

На ослепительном снегу
Ни пятнышка, ни тени.
Спят облака как на бегу
Застывшие олени.

Знакомый с детства снежный край!
Край замерших просторов,
Где в тишине собачий лай
Мерещится озёрам.

Где редкий куст, увяз в снегу,
Валун — старик угрюмый,
При ярком солнце и в пургу
Свои лелеет думы.

* * *

А мне бы стать отшельником
на Севере:
ловить форель, молиться в небеса
на тихий свет, сквозь облака
просеянный,
и слышать Трифона и братья голоса.

Расчѣсывать укусы комариные,
и, укрепляясь муками Христа,
поститься терпкой горечью
рябиновой,
не думая о трудности поста.

* * *

На краю державы каменистом
Я корнями прорастаю в лёд.
Ветер гонит облака со свистом,
Но меня он с места не сорвѣт!
Я теперь душой навек в граните
Нелюдимой северной земли.
Корабли, погромче прогудите,
Растворяясь в сумрачной дали!
Пряный запах осенней прели,
Обмелели дни в одночасье,
Гуси-лебеди улетели
На восток, за отблеском счастья.

* * *

Дни, словно слепки с облаков,
Бесформенны и невесомы,
Потоком воздуха несомы,
Подсвечены сияньем снов.
Остались в прошлом февраль,
Весенний дождь ладони лижет,
Отныне ничего нет ближе,
Чем очертания земли.
От замысла — великий путь
До Промысла, совсем не близкий,
Я доберусь до церкви Свирской,
Чтоб снова крыльями взмахнуть.
Блеснуть в предутренней дали
Бесшумным, светлым опереньем
И медленно вершить паренье
Над испареньями земли.

* * *

Дождь дрожащими ногами
по асфальту пробежал,
в цветовой осенней гамме
утопая, спит квартал.

Мы с тобой одни на свете,
безутешные в ночи,
как испуганные дети,
потерявшие ключи.

Ночь глазастая опасна
во Вселенной братьев Гримм.
Мы с тобою не напрасно
«да» и «нет» не говорим,

чѣрно-белое не носим,
но часов всё громче бой.
Крысолов усталый, Осень,
нас уводит за собой.

Чтобы скрыться от конвоя,
есть один простой развод:
мы с тобой глаза закроем
и никто нас не найдѣт.

* * *

Расскажи мне о Праге,
о храмах её и мостах,
О проулках, о хитрых её лабиринтах.
Я хочу оказаться, как прежде,
у Кафки в гостях
И в уютной пивной выпить
чешского пинту.
Расскажи о соборе, о готике мне
расскажи,
О символике арок, цепей и свободы.
Полыхают в закатном сиянье
его витражи
И возносится голос органа
под своды.
Расскажи мне о залах,
где властвует дух арт-нуво,
Там цветы и красавицы,
словно жар-птицы.
Я в фантазии дивного Мухи
влюбилась давно
И мечтаю в картинах его
поселиться.

Расскажи, как по улицам с горки
на горку ползут,
Словно божьи коровки,
неспешно трамваи.
И вот-вот они крылья расправят
и в небо вспорхнут,
Ввысь, где след моего самолёта
не тает.

КАРЕЛИЯ

Викинг с армией колких елей-копий
идёт по следу того, что когда-то
считалось жизнью,
и скоро доберётся до скал,
заслонивших солнце.
За ними прячется всё — деревья,
звери и птицы.
Дочь воздуха открывает
небесного цвета глаза.
А мы всё пытаемся очаровать
кого-то
игрой на кантеле, которое
давно уже стало серебряной рыбкой,
уплывшей по реке времён.

ДОМ

Ещё стоит мой дом
среди высотных зданий,
затёртый, словно том
поверий и преданий.
Ржавеет дней засов,
скрипят — рассохлись — доски
некрашенных полов
в застывших каплях воска.
Года наперечёт,
их стайка в небе тает,
жизнь медленно течёт,
да быстро протекает.
Из амфоры — вино,
вода из старой крынки, —
всё вытекло давно,

быль съёжилась в былинку.
Не остывай, дыши
на зеркальце ручное,
мой островок души,
прибежище земное!

ПРИЗВАНИЕ

Снова в ознобе, а может, в полёте
Путаешь явь с обрывками сна,
Смело возьмёшь
запредельную ногу,
И с головой накроет весна.
Почки надуют набухшие губки,
В жилах бурливее кровотока,
Пить бы и пить через тонкую
трубку
Свежий, звенящий, пьянящий сок,
Слушая теньканье и воркованье,
Обморок звуков — шёпот любви,
Жизнь — это дело всей жизни,
призванье,
Голос небесный: «Встань и живи!»

* * *

Il pleure dans mon coeur.
Поль Верлен

Стекает по стеклу вода,
Дождь плачет в сердце у Верлена,
Но я-то знаю, здесь — подмена,
Дожди не плачут никогда.
Антропоморфность — это спесь,
Все чувства — химия и только,
Но истины — не доля, долька —
В словах француза всё же есть.
Mon coeur — как коркой поросло,
il pleure — кто плачет среди ночи,
Разматывая снов клубочек,
Дыша на влажное стекло?
Как в шерстяную шаль, в печаль
Завёрнуты сады, кварталы,

Дома, и парки, и вокзалы,
И жизни близь и смерти даль.
А пальцы бьют по скатам крыш
Код Морзе, слов тире и точки.
Дождь — шифровальщик
и подстрочник,
Анапеста блажная мышь.

Я не гоню непрошенных гостей.
Они, как судьи, судят,
нужно ль время
Мне для моих подержанных
страстей,
Тревог, высокомерий, треволнений.
И пусть сидят до первых петухов,

Я каждому из них придам значенье,
Я всех приму душой,
хоть без грехов
Нет никого, и я не исключенье.
Пусть для кого-то гость —
что в горле кость,
А я кочевница, мой дом — повозка.
Любой захожий — это плеть и гвоздь,
И цепь, и якорь, и печать на воске.
Я не гоню непрошенных гостей,
Гость промелькнёт, как миг,
как век короткий,
Уйдёт, оставив горстку новостей.
Их можно до утра перебирать,
как чётки.